

МАНИФЕСТЫ РАЗВИВАЮЩЕЙ ПСИХОТЕРАПИИ*

А.КАТКОВ**

Введение

Современная психотерапия, переживающая, без сомнения, бурный этап развития, нуждается в прояснении обстоятельств, препятствующих идентификации данной специальности как самостоятельного научно-практического направления.

В ряду дисциплинарных “изъянов” психотерапии с относительным постоянством, в этой связи, называются следующие:

отсутствие четкой семантики и общего тезауруса в специальной терминологии;

неоправданное (по типу “снежного кома”) наращивание числа методов при отсутствии конвенциональных критериев определения их эффективности; искусственность (неверифицируемость) и несводимость к некому общему знаменателю основных теоретических концептов данной дисциплины;

отсутствие, вследствие всего вышесказанного, ясного и четкого определения предмета, целей, задач и, следовательно, миссии психотерапии (или, хотя бы, корректно оформленного континуума этих базовых категорий, конструирующих дисциплинарную матрицу рассматриваемой специальности);

отсутствие ясно очерченного поля деятельности специалистов в указанной области, объема и качества подготовки профессионалов, необходимых квалификационных стандартов.

Основной вытекающий из данной схемы “рецепт” развития психотерапии, по мнению многих авторитетов, заключается в разработке единой, удовлетворяющей самые различные профессиональные конфессии, *теории личности*. Отсюда следует перспектива формирования *интегративного направления* в психотерапии, призванного противостоять тенденции к бесконечному “расползанию” профессионального поля. В

* Полная версия сообщения на Европейском конгрессе по психотерапии, секция “Теория психотерапии” – Москва, 2001г.

** Катков Александр Лазаревич – д. м. н., профессор, зам. директора по науке и образованию Республиканского научно-практического Центра медико-социальных проблем наркомании (Республика Казахстан).

рамках данной перспективы видится и решение основных методологических проблем специальности, включая вышеперечисленные. При этом постулируется, что данный теоретический базис является единственно возможным и достаточным, чтобы достигнуть искомой цели.

Однако рекомендации подобного рода представляются нам очередной иллюзией, игнорирующей кризисное состояние современной науки и переоценивающей ее реальные возможности. Но дело даже не в этом. На наш взгляд, корни общей неуспешности многих наших теоретических изысканий в сфере психического – те же, что и у “родимых пятен” профессии. И что задача точной их идентификации – и есть задача идентификации психотерапии как самостоятельного научно-практического направления. Решение вопроса, таким образом, лежит в плоскости гораздо более глубокой и серьезной, чем простое обозначение ряда профессиональных проблем и разработки облегченных рецептов их решения.

В качестве начала, катализирующего процесс идентификации психотерапии, по нашему мнению, должна выступать не унифицированная теория личности или какой-либо другой теоретический концепт субъективности, а выделение функционального ядра этой дисциплины, определяемого как *р а з в и т и е*.

Данный принцип, поставленный во главу “идентификационного угла”, позволяет рассматривать психотерапию как *уникальную технологию кризисного развития индивида и общества* (учитывая основной вектор становления профессии, который доминировал в предшествующие этапы ее развития) или как *уникальную индивидуальную и социальную развивающую практику* (учитывая настоящий и будущий вектор становления данной дисциплины). Обратим внимание, что разница между этими двумя определениями заключается лишь в степени исключительности применения данной практики, притом, что термин “уникальность” остается неизменным, подчеркивая отличие психотерапии от любых других институализированных развивающих практик.

Далее задача нашего сообщения заключается в том, чтобы показать степень эвристичности заявленного подхода в сфере прикладной теории и практики психотерапии, а также обозначить перспективы развития базисной теории психического с опорой на некоторые научные архетипы, адекватные обсуждаемой теме.

В сущности, истоки избранной нами *“идентификационной стратегии”* легко выводимы из очевидных различий, отделяющих психотерапию от других, в большей или меньшей степени “родственных” ей, институализированных способов развития, реализуемых обществом: образования и воспитания; психологического и философского консультирования; видов социальной деятельности (работа, служба); религиозных и мистических

практик; психотехнологий в духе Мюнстерберга и т.д. В уточнении характера данных различий лежит ответ на ряд насущных вопросов: в чем же, собственно, заключается уникальность психотерапии; за счет каких механизмов в ее рамках обеспечиваются более глубокие и действенные изменения индивида, группы, общества; почему психотерапия, с определенного этапа своего становления, оказалась востребована не только в качестве эксклюзивной, но и широкой социальной практики; в чем именно оказались несостоятельны традиционные развивающие институты. Отсюда всего один шаг до определения очень важного – *д у х о в н о г о* – вектора современных потребностей общества, в чем, соответственно, и видится основная миссия психотерапии.

Психотерапевтическая практика и прикладная теория психотерапии

Отличие психотерапии от других институализированных развивающих практик. Оно складывается суммарно на основе ряда отличительных особенностей, в числе которых могут быть названы следующие:

1. *Экономичность* (современная психотерапия – это, чаще всего, краткосрочная или экспресс-терапия, достигающая значительных результатов за сравнительно короткое время).

2. *Универсальность* (в применении современной психотерапии не существует возрастных или каких-либо иных ограничений в том объеме, в каком эти ограничения присутствуют в других развивающих практиках).

3. *Высокая двусторонняя мотивация на достижение результата* (современная психотерапия виртуозно использует возможности “мотивационного букета” группы, клиента, терапевта; эффективно утилизирует препятствия к развитию мотивации у клиента и терапевта, умеет перестраивать желание достижения некоего конкретного результата в желание достижения изменений как основного жизненного контекста).

4. *Оптимальная индивидуализация применяемых подходов* (современная психотерапия стремится действовать в структуре личного мифа клиента, строя общение с ним с учетом особенностей его культурного контекста и субъективной семантики).

5. *Стратегическая гибкость* (использование стратегий, которые обладают оптимальной эффективностью, а также в наибольшей мере соответствуют ситуации и уровню терапевтической коммуникации).

6. *Предельное многообразие используемых ресурсов* (здесь имеются в виду не только технологическое разнообразие возможностей структурирования психотерапевтического процесса, но и, главное, уникальные ресурсы личности психотерапевта, а также феномена психотерапевтического пространства).

7. *Возможность постоянного контроля эффективности психотерапевтического процесса* (современная психотерапия предельно внимательна к вербальным и невербальным сигналам клиента, позволяющим оценить объем и качество происходящих с ним изменений как в ходе терапевтической коммуникации, так и в его “реальной жизни”).

8. *Самодостаточность* (современная психотерапия, как правило, не нуждается в специалисте какого-либо другого смежного профиля, хотя и не исключает возможности партнерского профессионального сотрудничества).

9. *Устойчивость результата* (современная психотерапия опирается на активность клиента, формирование критического осознания дивидендов психотерапевтического процесса и его издержек, эволюционные стратегии развития).

10. *Акцент на персонализацию – основной ресурс развития индивида* (качество социализации индивида возрастает, в первую очередь, за счет актуализации персонального начала, достижения внутренней гармонии, а затем уже – внешней).

Приведенный перечень должен быть дополнен не столь явным, но по истине “золотым” свойством, вытекающим из концепции развивающей психотерапии: *заболевает, приобретает “проблему”, обнаруживает у себя тот или иной уровень дискомфорта – один человек; выздоравливает, овладевает проблемой, избавляется от дискомфорта – уже совершенно другой, в чем-то весьма существенном изменившийся*. Какие бы профессиональные цели и задачи ни ставились в ходе терапевтических сессий – решающим поворотным моментом здесь становится скачок незримой “температуры”, когда у пациента (клиента, партнера) вдруг начинают быстро развиваться качества “того другого”, позволяющие ему достаточно эффективно справляться не только с заявленной проблемой, но и с другими жизненными обстоятельствами, ранее представлявшимися непреодолимыми.

Психотерапия либо обеспечивает, за счет своих уникальных технологий, оптимально-высокую “температуру”, способствующую ускоренному кризисному развитию пациента (клиента, партнера), – и тогда она может с полным правом причислять себя к ядру специальности. Либо этого “чуда” (чаще всего по причинам безосновательного следования определенным моделям психотерапии) не происходит – и тогда можно утверждать, что терапевтическая коммуникация приближалась к какой-либо другой или даже повторяла другую институализированную развивающую практику (что само по себе, заметим, не так уж и плохо). В подобном случае данная коммуникация может быть отнесена к периферии специальности.

С нашей точки зрения, суть “ядерного” психотерапевтического процесса, когда проявляются возможности потрясающей пластики и необычной скорости терапевтических изменений, составляют феномены так называемого психотерапевтического пространства и, конечно, личности психотерапевта как ключевой фигуры, которая обеспечивает вхождение пациента (клиента, партнера) в это пространство, а также действенность основных механизмов, реализуемых в условиях только данного феноменологического поля. С учетом важности рассматриваемого вопроса, остановимся на общих характеристиках психотерапевтического пространства и механизмах, обеспечивающих ключевые изменения субъектов психотерапии.

Психотерапевтическое пространство. Употребляя это словосочетание, мы имеем в виду качественно особое состояние участников психотерапевтической коммуникации.

Данное состояние проявляется, прежде всего, в ряде объективно-фиксируемых процессов и их характеристик, таких как изменение дистанции между участниками коммуникации; возникновение аналогий в моторике (позе), мимике; тембре, интонации речи; манифестация единого темпо-ритма рече-двигательных реакций и, возможно, дыхательного ритма; появление более или менее выраженных вегетативных реакций.

В субъективном плане отмечаются такие явления, как: чувство изменения временных параметров реальности (“время течет и быстро, и медленно одновременно” – часто приводится именно эта парадоксальная характеристика); трансформация значений текстов и контекстов в структуре информационного обмена (контексты могут выходить на первый план, а тексты – приобретать парадоксальное значение); ощущение мощного внутреннего потока единения неких сущностей, которые достаточно четко идентифицируются в данном состоянии, не сливаясь с личностями действующих субъектов коммуникации.

Это последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку мы собираемся далее показать, что основные механизмы второго, чаще скрытого, но, по нашему мнению, едва ли не главного плана психотерапии (речь идет об идентификации с личностью психотерапевта; процессах подспудного убеждения и внушения; трансляции социальных паттернов поведения от психотерапевта к пациенту) – являются производными от контакта этих “неличных” инстанций (не будем пока спешить с обозначением их более точным термином, обещая сделать это в нужном месте и в нужное время), которые руководят мощнейшими энергетическими ресурсами организма, обеспечивая его нескончаемую пластику.

К общим коммуникационным и, отчасти, социально-психологическим характеристикам феномена психотерапевтического пространства относятся

также известная его *разряженность* и, опять же, *пластичность*. В пространстве психотерапии контурируются отнюдь не все жизненные обстоятельства, а лишь те, которые имеют непосредственное значение для целей терапии. Фактор времени не является здесь фатальным – его можно повернуть вспять, а фактор события – необратимым: его можно реконструировать. *Условность* происходящего, “репетиционная” форма даже самых драматических ситуаций, обеспечивает возможность конструирования более глубокой и адаптивной развивающей жизненной стратегии у пациента. Наконец, венчает весь этот перечень еще одно свойство – *концентрация*: в пространстве психотерапии, сотканном из парадоксов, уживаются полярные характеристики. С одной стороны, ему присущи разряженность, условность, гарантия безопасности и необходимого терапевтического “аута”, а с другой – возможность напряженных комбинаций и фокусирования таких событий, обстоятельств, состояний субъектов психотерапии, которые, обеспечивая в своей совокупности необходимый терапевтический эффект, в реальной жизни клиента встречаются крайне редко. В этих “точках концентрации” и происходит рождение качеств “того другого”, который, в конце концов, овладевает искусством противостояния жизненным проблемам и состоянию дискомфорта.

Вышеприведенные характеристики пространства психотерапии, без сомнения, могут быть дополнены, а сам термин – “пространство психотерапии” – заменен каким-либо другим (таким, например, как “присоединение” или “психотерапевтический резонанс” и пр.). Вдумчивый читатель, возможно, уже определил для себя, что, в сущности, речь идет о вхождении в разлитой терапевтический транс, являющийся необходимым элементом любого эффективного психотерапевтического процесса, а упомянутые “сущности”, или “инстанции”, неформально контактирующие в данной коммуникации, есть “бессознательное”, “подсознательное”, “предсознательное” или “сверхсознательное” терапевта и клиента. Мы не собираемся полемизировать с подобными интерпретациями – каждая заслуживает право на существование и одна стоит другой. Пока нам хотелось бы ограничиться лишь указанием на упорное стремление профессионалов вытеснить загадочную инстанцию из поля реального (основная функция сознания – “контурирование реальности”).

Между тем, следующий ключевой феномен развивающей психотерапии – личность психотерапевта – как раз и предполагает наличие некой “*привлекательной целостности*”, некоего, сходу определяемого и “видного издалека”, качества, которое Карл Витакер обозначил как “*умение жить, укоренившись в бессознательном*” – в самом фокусе того, что является источником новизны, пластики, мощной созидательной энергии, словом,

квинтэссенцией жизни, и что служит той самой “Инстанцией”, к которой мы раз за разом вынуждены возвращаться.

Личность психотерапевта: феномен "привлекательной целостности". Итак, ключом к вхождению в уникальное пространство психотерапии является, на наш взгляд, некая привлекательная целостность личности психотерапевта, “прописанная” в поле упомянутой выше инстанции, которая, проявляясь в реальной жизни в весьма смутных формах, в условиях психотерапевтической коммуникации выходит на авансцену и распрямляется в полный рост. По нашей версии, все самое важное происходит уже в ходе первого контакта субъектов психотерапии: “привлекательность” статуса психотерапевта идентифицируется уже знакомой нам инстанцией в доли секунды. Она, что называется, “воочию” убеждается в возможности организовать свое бытие в качестве не бесправного и беспощадно подавляемого “джина в бутылке”, а уважаемого, активного и всячески опекаемого участника происходящего. Именно в данный момент у пациента рождается мотивация к идентификации с личностью терапевта. Этот, в сущности, и есть основной механизм второго, но, повторяем, главного плана психотерапии, и заключается он в феномене *неосознаваемой передачи власти (или степени свободы – кому как нравится) от пациента психотерапевту*. Относительно очевидная сторона этого неосознаваемого акта – *обретение веры в возможности терапевта и психотерапевтического процесса как такового*.

Следует более подробно остановиться на характеристиках данного инструмента – “власти-веры”, действующего в поле психотерапевтического пространства и обеспечивающего оптимальную гибкость и скорость изменений у субъектов психотерапии. В контексте всего сказанного выше нам представляется уместным связать его действие с диадой состояний “пластика-устойчивость”, выступающих в качестве полярных вариантов общей стратегии развития и выживания человека и общества. Нет никакого сомнения в том, что эти стратегии эффективно использовались человечеством на протяжении всей истории его существования. С особой силой они актуализируются в кризисные периоды развития индивида и общества. И мы столь же уверены в том, что психотерапия как уникальная технология кризисного развития должна глубоко и всесторонне осмысливать данные феномены.

Исследуя функционирование механизма “веры-власти” в пространстве психотерапии, мы приходим к выводу, что власть, в данном случае, выступает в виде своеобразного синергетического явления. Здесь реализуется знаменитый восточный парадокс: “Властитель не управляет никем, им управляют все”. Получая полномочия со стороны пациента – от пока что анонимной инстанции его психики, психотерапевт, в каком-то смысле, те-

ряет собственную свободу. Он должен теперь следовать негласному кодексу отношений, условия которого хотя и не проговариваются, но не допускают отклонений. Любые даже неумовимые отклонения от него чреваты выходом из пространства психотерапии и утратой феномена синергетической власти терапевта, а с ним и возможности быстрых изменений. Власть в “светском” понимании данного термина, основанная на зависимости, принуждении (силе), страхе, авторитете, традициях и т.д., может сохраняться, но последствия такого рода отношений будут, конечно, совсем иными. В отличие от принятых социальных стереотипов, власть в психотерапии не ищет признания, не заявляет о своих правах, не требует каких-то вспомогательных агентов и средств для своей реализации. Она вполне самодостаточна, ибо предполагает, что одна из сторон неосознанно делегировала свою свободу, приобретя взамен возможность уникальной пластики и изменения. Все вместе взятые характеристики обсуждаемого феномена – самопроизвольность, ненасильственность, самодостаточность, конструктивный результат – рождают ощущения, настолько отличные от обыденных, что при отсутствии прямых возможностей объективизации той самой таинственной инстанции – подлинного организатора всех этих эффектов – возникает мысль о “чуде”.

В психотерапевтической коммуникации вышеназванные эффекты используются для выхода в конструктивную эволюцию с возвратом властных полномочий от терапевта к пациенту (к его, в чем-то очень важном, изменившейся личности). Здесь и замыкается цикл перерождения “одного” человека в пациенте, накапливающего свои проблемы, состояние дискомфорта и патологию, – в “другого”, имеющего выраженный ресурс адаптации к самым разным жизненным коллизиям.

Основная функция психотерапевта заключается в том, чтобы тенденции и стереотипы в поведении пациентов, направленные на создание некой “устойчивой брони”, переформировать в эффективную стратегию изменений. И уж, конечно, эти психотерапевтические усилия реализуются тем легче, чем явственнее и глубже в психотерапевтической коммуникации был представлен ее пластический план. Имея перед собой впечатляющий и привлекательный пример такого со-бытия разных аспектов психического у терапевта, когда взаимно используются их ресурсы и создается общая целостность, пациент, в условиях уникальной пластики психотерапевтического пространства, интериоризирует названные ключевые свойства (т.е. узнаваемые черты “того другого”), становясь этим “другим”, открытым для изменений.

Таким образом, мы выделили группу механизмов, действие которых относим к главному – глубинному уровню психотерапии. Имеется в виду *позитивное и действенное подкрепление развивающего поведения пациен-*

та; “наделение” его энергетическими и пластическими ресурсами, обеспечивающими высокий уровень адаптации; обретение пациентом свойств целостности, характеризующейся связью между основными инстанциями психического (“прописка” личности в бессознательном), что в целом и становится условием нового качества жизни. Действуя вкупе с первыми тремя механизмами психотерапевтической коммуникации (идентификация с личностью терапевта, скрытое убеждение и внушение, трансляция социальных паттернов поведения) названные средства обеспечивают успешность применения конкретных психотерапевтических техник (структурированных действий) по отношению к конкретным проблемам, заявляемым пациентом.

Таким образом, мы пока что уяснили, что для прикладной теории психотерапии имеет смысл различение двух уровней терапевтической коммуникации и более четкое представление о механизмах, действующих на втором – глубинном уровне; определение феномена психотерапевтического пространства и основного действенного инструмента данного феномена – синергетических отношений “веры-власти”, неразрывно связанных с базисными стратегиями развития и выживания человека “устойчивости-пластики”. Наконец, мы старались подтвердить огромную роль бессознательных процессов в реализации глубинного уровня психотерапии – неявной и всячески вытесняемой из поля сознания *реальности*.

В контексте только что обозначенных ключевых положений возможен анализ других отличительных позиций развивающей психотерапии.

Матрица психотерапевтической коммуникации. Общая матрица эффективной психотерапевтической коммуникации состоит, следовательно, из двух уровней информационной активности, объединенных общей иерархией терапевтических целей и задач. В структуре обозначенного нами идентификационного подхода данный континуум целей выглядит следующим образом:

1) самоактуализация с доступом к основным ресурсам персонального (“прописка” личности в бессознательном); достижение внутренней гармонии как целостности между основными инстанциями психического;

2) внешний уровень гармонии – установление принципиально иных отношений с социальным (социальное как “фон”, но не “фигура”, что облегчает достойный компромисс с социальной реальностью);

3) присвоение целостной, развивающей стратегии бытия на основе обновленной системы ценностей и смыслов, где жизненные сложности не рассматриваются как фатальность, а необходимость изменений приветствуется.

Достижение вышеназванных целей обеспечивается за счет активности *глубинного уровня психотерапевтической коммуникации*.

К задачам более поверхностного уровня психотерапии относится *технологическое решение* исходно заявленных и тех глубинных проблем пациента, которые, так или иначе, вскрываются в ходе терапевтических сессий. Общепризнанная стратегия этого уровня сводится к разрушению или утилизации неконструктивных патологических установок пациента (клиента, партнера) и созданию новых, более адекватных и адаптивных.

Общеизвестны основные технологические направления реализации данных задач: *расширение репертуара когнитивных схем пациента; коррекция эмоционального опыта; модификация поведения посредством позитивного – негативного подкрепления его паттернов со стороны психотерапевта*. Соответственно, классифицируются технические приемы и методы психотерапии. Однако, наши исследования показывают, что такого рода разграничения носят достаточно искусственный характер. Любая психотерапевтическая “техника” как отдельная процедура или достаточно связанный конгломерат структурированных действий, так или иначе, включает в себя все указанные выше аспекты психических изменений, фиксируемых у пациента. Более того, выбор мишеней в психотерапии имеет “эффект вентилятора” – как только мы “нагружаем” одну из лопастей (эмоции, мышление или поведение), она немедленно уходит вниз, а вверх поднимаются две другие, используя которые, мы и строим техническое действие. Другой вопрос, что конечный результат должен, в первую очередь, фиксироваться в заявленной пациентом сфере. И чем при этом более осмысленно используется весь развивающий потенциал технического действия – тем более стойкий и значительный результат мы получаем.

Однако основной “предуготованный” эффект реализации технического репертуара связан, на наш взгляд, с двумя обстоятельствами. Первое из них – использование психотерапевтом феноменальных эффектов глубинного (второго) уровня психотерапии. В парадоксальном поле пространства психотерапии невербальные реакции терапевта, которыми он встречает высказывания пациента, весьма эффективно указывают на возможность иной интерпретации обсуждаемых событий и, по крайней мере, другого вектора их восприятия, сравнительно с тем, которому был привержен пациент. Далее, в ходе обсуждения возможных вариантов “технического” решения проблемы, и, особенно, в процессе проговаривания последовательности технических процедур, используется практически полный набор упоминавшихся выше механизмов второго уровня психотерапии. Таким образом, реализует какую-либо техническую процедуру уже в значительной степени “другой” пациент – с более высокими пластическими возможностями, предуготованный к расширению когнитивного репертуара, коррекции эмоционального опыта и модификации своего поведения.

Из всего сказанного, думается, понятно, что *различия в степени эффективности применения технических процедур обусловлены различным уровнем вовлечения глубинных механизмов психотерапевтической коммуникации.*

К слову сказать, выбор конкретной психотерапевтической техники может как способствовать, так и препятствовать развитию пространства психотерапии. И здесь мы вплотную подходим к понятию *личного мифа* пациента (см. п. 4 общего перечня отличий психотерапии от институализированных развивающих практик). Общим местом современных руководств по психотерапии стало положение об экологичности системы терапевтических отношений. Утверждается, что эффективный терапевт стремится действовать в структуре личного мифа клиента, не разрушая его и не навязывая клиенту собственный. Исследуя реальное наполнение обсуждаемого термина, мы пришли к выводу, что, с точки зрения пациента (клиента, партнера), реально существует только два вида психотерапии. Та, которая имеет к нему непосредственное отношение и затрагивает его, “задевает за живое”. И та, что не имеет к нему никакого отношения. Так вот, разделяя озабоченность профессионалов состоянием экосистемы терапевтических отношений, мы считаем, что ощущение “задевающего за живое” больше зависит как раз от “привлекательной целостности” как одной из составляющих личного мифа терапевта с последующим включением механизмов психотерапевтического пространства. Пассивное следование культурным или субкультурным особенностям клиента без понимания основ коммуникативного базиса будет, скорее, отодвигать психотерапевта от нужного результата, чем приближать к нему. Одним словом, мы уверены, что решающим терапевтическим действием является идущее от пациента “присоединение” к сущностному мифу терапевта, а не наоборот (хотя и здесь уходить в крайности не стоит).

После всего сказанного без всякого риска можно было бы перейти к рассмотрению оптимальных вариантов реализации конкретных технических действий, соответствующих ожиданиям и особенностям пациентов. Но и здесь, опуская многие достаточно известные методические положения, хотелось бы выделить то, что представляется основным в контексте нашей темы. Речь идет о крайней важности идентификации основной системы координат, которую, чаще неосознанно, использует пациент, выстраивая свою жизненную стратегию в целом. Мы пришли к выводу, что имеет смысл выделять лишь три системы, реально направляющие бытие конкретного человека в меняющемся мире: система *рациональных знаний*, система *иррациональных верований* и система, опирающаяся на *собственный опыт*. В сущности, каждый наш пациент (но и терапевт здесь, конечно, не исключение), отвечая на вопрос “что происходит?”, на подсознательном

уровне мгновенно принимает решение, в какой системе координат будет строиться ответ. Опирается на все три системы одновременно – невозможно. Они слишком явно противоречат друг другу. Итак, приверженность пациента к системе иррациональных верований может направить внимание терапевта в сторону религиозного или мистического репертуара технических действий; опора на систему рациональных знаний предполагает обращение к техникам когнитивной психотерапии, а ориентация пациента исключительно на собственный опыт – подталкивают психотерапевта к разработке технических шагов с “опорой на очевидности”.

Подводя краткий итог вышесказанному, нельзя не отметить, что квинт-эссенцией индивидуальных и гибких психотерапевтических подходов выступает уникальная идея терапии, являющейся результатом “терапевтического инсайта”. Такая строго индивидуальная психотерапия соответствует особенностям личности пациента, как пластическая маска – рельефу его лица. Достаточно часто пациент (клиент/партнер) выступает как активный соавтор или даже автор терапевтической идеи (сигнал, означающий переход пациента в статус себя “другого”, эффективно решающего собственные проблемы). Но все же стоит иметь в виду, что “инсайтная” терапевтическая идея далеко не всегда выходит за пределы решения конкретной, заявленной пациентом проблемы и затрагивает план развивающей эволюции, который только и может обеспечить устойчивость результата. Поэтому в идеале терапевт должен был бы пережить два творческих инсайта – решение конкретной проблемы клиента и вариант решения унифицированной проблемы его развития. Это, конечно, несравненно более сложная задача, требующая продуманного вовлечения всех механизмов глубинной психотерапии. В частности, предполагается определение в качестве одной из главных функциональных систем психотерапевтической коммуникации собственно стратегического блока – с пристальным вниманием и детальным анализом индивидуальных стратегий развития пациента (в элементарных терминах – “ассимиляция”, “аккомодация”, “равновесие”), а также общих стратегий развивающего психотерапевтического процесса (ситуативных, эволюционных, революционных). Понятно, что такого рода анализ должен подкрепляться детальной проработкой нормохронологии пациента, в частности, ключевых пунктов развития (прохождение возрастных кризисов; степень осознания основных задач развития и успешность их выполнения; характер взаимоотношений с главными агентами развития; овладение развивающими практиками; сформированность центральных возрастных приобретений и т.д.).

Эффективность структурированных терапевтических действий (техник первого уровня психотерапевтической коммуникации) будет тем выше, чем

более полно и точно используется стратегический блок психотерапевтической коммуникации.

Вклад в прикладную теорию психотерапии. Подводя итоги сказанному, отметим основные особенности и новые возможности заявленного нами идентификационного подхода:

- структурирование матрицы эффективной психотерапевтической коммуникации;
- выделение двух уровней психотерапевтического процесса – технологического (первого, лежащего на поверхности) и глубинного (второго); разграничение действующих в рамках каждого из них основных механизмов;
- обоснование принципов эффективного взаимообуславливания механизмов технологического и глубинного уровней психотерапии;
- определение континуума терапевтических целей и задач с позиций обозначенного структурного анализа;
- выделение стратегического блока психотерапевтической коммуникации в действующую функциональную систему;
- обоснование основных систем, координирующих бытие субъекта в современном мире, в виде опорных характеристик “личного мифа” клиента, имеющих непосредственное отношение к формированию терапевтической стратегии;
- возможность более точного и дифференцированного функционального описания инструмента веры/власти, пластики/устойчивости, действующего в пространстве психотерапии;
- возможность формулирования основного принципа эффективной психотерапевтической коммуникации как переформирования позиций “себя – страдающего” в “другого – противостоящего (преодолевающего) страданиям”;
- возможность функционального описания феноменов психотерапевтического пространства;
- возможность функционального описания ключевого феномена личности психотерапевта – “привлекательной целостности”;
- аргументированная необходимость выделения и переосмысления роли “основной инстанции” в психотерапевтическом процессе и последующей конструктивной эволюции.

Но это еще не весь (даже не основной) эвристический потенциал развивающейся психотерапии. Теперь предстоит ответить на главные вопросы, сформулированные в начале данного текста. Какие же факторы препятствуют выделению психотерапии в самостоятельное научно-практическое направление? Какие существуют возможности для их преодоления? И какие

аспекты предшествующего анализа окажутся в этом плане наиболее эффективными?

Суть дела. В фокусе идентификационных проблем нашей профессии лежит парадокс, который заключается в том, что, отчаянно желая стать “полноценной наукой”, психотерапия с необходимостью вытесняет из собственного теоретического поля свой основной предмет: *Душу, Дух* (психотерапия – это забота о *душе* и ни о чем более, обо всем остальном позаботится распрямленная и названная своим именем *душа*, способная “горы переставлять”). Современная наука не в состоянии объективировать эту хотя и неуловимую, но очевидно-действенную категорию. Отсюда, вроде бы, ясная трилемма: если в серьезных психотерапевтических дискурсах, даже и с оговорками, называть вещи своими именами, то нужно сразу же попрощаться с претензиями на статус “подлинной” науки. Второй вариант – всячески вытеснять эти “неудобные” категории из поля реальности психотерапии как науки и ее профессионального языка, прибегая, например, к таким понятиям, как “подсознательное”, “бессознательное”, “сверхсознательное” и прочее в том же роде. Этим, конечно, можно заработать индульгенцию на условный статус “подлинной науки”, но ненадолго – в глазах адептов “серьезной”, “фундаментальной” науки эти обезличенные и ускользающие термины все равно выглядят недостаточно определенными и потому подозрительными. *Здесь нет фундамента!* Третий вариант – заниматься краевыми развивающими практиками (в нашем понимании – поверхностным, “техническим” уровнем психотерапии, куда она сейчас и направляется в рамках некоторых из своих многочисленных школ и подходов), бесконечно гадая о причинах разброса результатов по шкале эффективности.

Мы полагаем, что все перечисленное – не очень удобные, а теперь уже и тормозящие развитие специальности компромиссы. Их время прошло. Сущностное решение проблемы идентификации психотерапии заключается сегодня в возможности использования новых “метадигм” (архетипов), адекватных заявленной проблеме. И, конечно, найденное решение будет ответом на многие животрепещущие проблемы современности. Здесь мы вступаем на территорию базисных концепций психического с выходом в метадигму “*новой реальности*”, откуда уже не понадобится изгонять живую, чудесную *Душу* нашей профессии. И это замечательно!

Научные архетипы развивающей психотерапии

Уточнение проблемы. Уникальность идентификационной ситуации психотерапии, претендующей на выделение ее в самостоятельное научно-практическое направление, заключается, по нашему мнению, в том, что она буквально повторяет необходимость непростого выбора, вырастающего

перед каждым мыслящим субъектом. Речь идет, как мы ранее отмечали, о приобщении к одной из трех противоречивых и расходящихся суперсистем, координирующих бытие субъекта в меняющемся мире: рациональные знания, иррациональные верования и непосредственный опыт.

Подлинный драматизм данной ситуации заключается в том, что и для человека, обладающего живой душой, и для психотерапии, основным предметом которой она является, каждый из этих вариантов выбора и ущербен, и небезопасен.

Система рациональных знаний в конце XX века обнаружила свою несостоятельность, поскольку не ответила ни на один из идентификационных вопросов человеческого бытия.

“Фундаментом” иррационального верования нередко становится “песок” личного доверия к одному из более или менее убедительных агитаторов-пророков, а не собственный, глубоко пережитый мистический, религиозный опыт (к тому же, непереносимый на других).

Непосредственный же, повседневный опыт ограничен сам по себе. Из него не выводимы сложные феномены духа. “Что касается существования Богов, то я не знаю, есть они или их нет. Уж слишком многое препятствует этому знанию. И вопрос темен, и жизнь коротка”, – знаменитый ответ Протагора, под которым подпишутся многие.

Таким образом, приверженность к какой-либо одной системе координат ясности относительно обсуждаемых категорий *Духа* и *Души* не прибавляет. Но поскольку попытка устоять на трех расплывающихся “китах” чревата еще более тяжелым схизисом и возрастанием базисной тревоги, из двух зол выбирается меньшее.

Для психотерапии, в отличие от ее субъектов, данный выбор очевиден: пройдя тысячелетний период накопления практического опыта и почти столетний – научного развития, она не может и не должна поворачивать вспять. Но продолжение уверенного движения в направлении данного выбора, конечно, не должно покупаться ценой отказа и вытеснения своего основного предмета. Таким образом, психотерапия просто обречена на то, чтобы сказать новое слово в науке, существенно расширив “когнитивный репертуар” последней.

В том, насколько сложно произнести это новое слово, мы убеждаемся, анализируя возможности сопоставления двух конкурирующих систем фундаментальных допущений, на которых основаны коренные различия обсуждаемых категорий рационального и иррационального.

Первая из них – фундаментальные допущения в науке:

- существует мир, автономный от нашего сознания;
- существуют объективные закономерности становления мира;

– существует объективная (причинно-следственная) связь событий, доступная для исследования.

Вторая – фундаментальные допущения в системе иррациональных верований:

- мир существует по воле Бога;
- рационального способа познания трансцендентного (Бога) не существует;
- следовательно, устанавливается примат веры.

Абсолютное большинство апологетов как той, так и другой точки зрения, отрицают не только возможность, но и необходимость сближения выше-названных позиций. Однако есть и такие, кто считает (*Тейяр де Шарден*), что человечество, найдя сущностный компромисс между полярными системами фундаментальных допущений, выиграет самый главный приз за всю историю своего развития. Мы, понятно, солидаризуемся с последними, считая, что сущностное решение проблемы найдено. Его лишь следует должным образом трансформировать в систему непосредственного опыта и относительно простых понятий, доступных каждому мыслящему человеку.

Таким образом, *цель нашего исследования* состоит в том, чтобы найти способ объективизации феноменов *Души* и *Духа*, используя новую систему фундаментальных допущений, преодолевающую ограничения первых двух.

Центральная гипотеза. Идея состоит в том, что магистральное решение проблемы коренного изменения (а не *сближения*) приведенных выше фундаментальных допущений лежит в дальнейшей разработке психологической части замечания Альберта Эйнштейна (с которым соглашались Нильс Бор и Вернер Гейзенберг, а затем и многие другие) относительно неоднозначно воспринимаемого мира. Эйнштейн (именно ему принадлежит формулировка системы фундаментальных научных допущений) утверждал, что *картина мира зависит от скорости нервных процессов у наблюдателя*. Вопрос, почему же до конца никто не попытался выяснить, каким именно образом будет меняться картина мира с изменением скорости нервных процессов, – по-своему очень интересен. Однако нас, идущих к цели, должно занимать другое. Этим своим замечанием Эйнштейн выделил категорию *информационного* в характеристике *реального* с функциями *сущностной переменной* и *связующей* между объектом и субъектом. Далее, он подчеркнул субъективный характер категории *информационного* и зависимость ее содержания от скорости нервных (психических) процессов.

Концептуальной сферой нашего исследования является обоснование модели *“новой реальности”*, позволяющей адекватно решить центральную задачу объективизации феноменов *Души* и *Духа*.

Остановившись лишь на ключевых позициях этой модели, нам следует получить ответ на вопросы: что есть время, что есть информация, что есть момент настоящего и каковы его “параметры”. Подлинный смысл здесь имеет последний вопрос, ответ на который проливает свет на два первых.

Временные параметры “момента настоящего”, формируемого ритмическими импульсами нашего активного сознания, составляют 10 микросекунд. Одновременно (примечательный факт!) эти же временные параметры являются основной характеристикой моментальной (мгновенной) памяти. События с меньшим уровнем устойчивости (длящиеся менее 10 микросекунд) не фиксируются и не воспринимаются как таковые. “Реальная” картина мира, которую теперь правильнее назвать субъективной информацией о мире, строится посредством “кирпичей” моментальной памяти, формирующей такие категории, как “*объекты-предметы*”, – в отношении событий, обладающих достаточно высокой степенью устойчивости; “*среда*” – в отношении событий, обладающих меньшей степенью устойчивости. Кроме того, очевидное множество событий, предметно не существующих в нашей субъективной реальности, мы, тем не менее, можем воспринимать как “*законы или закономерности*”.

Таким образом, первичная информация о мире есть субъективная мозаика, сложенная из “кирпичей” моментальной памяти. Последние, в свою очередь, формируются фундаментальной константой нашего активного сознания, которую мы обозначили как *фиксируемый импульс изменений (ФИИ)*. Следовательно, можно предполагать, что *ФИИ* содержит и обуславливает не только временные, но и *объектно-закономерные* характеристики того, что мы называем подлинно-реальным (момент настоящего).

Далее, мы должны получить ответы на вопросы: будет ли изменяться картина мира (информация в отношении его *объектно-закономерных* характеристик) с изменением временных параметров *ФИИ* (масштабов “настоящего”), будут ли данные изменения носить сущностный характер, и какие основные выводы из этого следуют.

Однозначный ответ на первый вопрос, по сути, повторяет уже известное высказывание Альберта Эйнштейна. Мы лишь уточнили, что следует понимать под термином “скорость нервных процессов”. Информация о происходящих событиях (*реальность*) будет существенно или кардинальным образом меняться в зависимости от изменения объемных параметров *ФИИ*.

Следующий ответ также однозначен: эти изменения будут носить сущностный характер и отражать действительную замену одних объектов, явлений, системы отношений (законов-закономерностей) между ними на другие объекты, явления, законы по типу убывающих и, соответственно, возрастающих вероятностей контурируемой реальности. Проблема, однако, заключается в том, что, если характер изменения *реальности* – субъектив-

ной информации о мире – в направлении “укорочения” параметров *ФИИ* (которое следует понимать как изменение масштабов момента настоящего от неосознаваемого “мгновения” вплоть до “бесконечности”) достаточно изучен в модели физического микромира, то моделирование “реальности” в другом полюсе – “увеличения” параметров *ФИИ* встречает серьезные затруднения. Ниже мы еще остановимся более подробно на анализе данных трудностей. Но пока они не мешают нам представить некоторые целостности – суперструктуры, функционирующие с иными, чем у нас, масштабами *ФИИ*, но с теми же правами на *реальность*, что и наши собственные. Мало того, масштабы этих *ФИИ* могут быть таковы, что, с точки зрения данных структур, наша индивидуальная *объектная реальность* окажется исключена. Отсюда следует, что информация – память о той реальности, которую они воспринимают, будет носить, очевидно, иной характер, чем осознаваемая память человека, сконструированная из “кирпичей” *ФИИ* с длиной, равной 10 микросекундам. Например, с точки зрения биологических суперструктур-объектов, генераторов данной памяти (рода или вида, имеющего теперь свойства неделимого целостного), такой “реальности”, как конечность индивидуального бытия человека, может и не существовать. Протяженность жизни индивида, в нашем понимании данного термина, может быть значительно меньше, чем “мгновение настоящего” данной суперструктуры.

Таким образом, взаимообуславливающие друг друга, разномасштабные целостные структуры сколь угодно сложной, субъективно конструированной реальности “знают и помнят” разное! То, что для одних выступает в качестве абсолютно реальных и несомненных объектов, для других может осознаваться либо в виде смутных закономерностей, не имеющих “объектного” подтверждения, либо не осознаваться вообще. И наоборот. Вопрос, где и как взаимодействуют эти виды информации, при том, что отсутствуют не только “общий язык”, но и возможность общей семантики в традиционном смысле этого слова.

Итак, время – нелинейный и субъективный феномен, рождаемый вследствие взаимодействия *ФИИ* (параметры которого могут быть различными) с феноменами памяти человеческой личности. Отсюда такая характеристика, как “субъективность”. Основное функциональное значение данного феномена заключается в возможности конструирования *информации – реальности*. Таким образом, “изменение скорости нервных (психических) процессов” – это и есть изменение субъективных параметров *ФИИ*. Поскольку последнее – это фиксируемый импульс, “квант” настоящего, с последующим вторичным образованием информации, то время – нелинейно. В сущности, всегда есть только настоящее. Категория прошлого, структурированного как цепь отдельных событий, в значительной степени представ-

ляется иллюзией. И это обстоятельство, вкупе с тем фактом, что “протяженность” настоящего абсолютно не осознается, дает начало ошибочному суждению о наличии некоего объективного и линейного времени, а вместе с ним и величайшей иллюзии “автономного и объективного мира”.

В нашей концепции область настоящего выступает как диффузный полюс изменений, контурируемый в зависимости от параметров *ФИИ*; *объектно-предметная* структура, определяемая большей или меньшей вероятностью изменений, или устойчивостью событий. В модели автономного мира эти два полюса – полюс *изменений* с характеристиками энергии, пространства материи, элементаристско-линейного времени и полюс *информации* – сливались. Альберт Эйнштейн – первый, кто выдернул краеугольный камень из этой хрупкой конструкции. Осознание способа фиксации изменений с использованием импульса (кванта) *ФИИ* – вполне верифицируемого феномена, позволяет нам надежно различать два упомянутых выше полюса, а также расширить содержание категории реального, включив в нее полюс информации. Итак, “информационное”, всегда “опаздывающее” на мгновение (параметр, формируемый ФИИ), не сливается с “настоящим” – полюсом диффузных изменений. И вслед за этим нам приходится признать, что информационный полюс, в принципе, не может иметь таких характеристик, как “энергия – пространство (материя) – время” (в обыденном понимании этих терминов).

Признать – это еще не представить. Последнее – крайне трудно, ибо наши представления – это, так или иначе, пространственные феномены. Когда одного, возможно, самого известного исторического персонажа, спросили, как же выглядит Господь Бог, он в ответ рекомендовал представить самое мелкое горчичное зерно. Обывателю, скорее всего, было трудно свыкнуться с таким метафорическим образом Господа. Возможно, поэтому описание данного случая и не вошло в канонические тексты Евангелия. Между тем, такое упражнение было бы полезно для усвоения другой метафоры упомянутого персонажа, утверждавшего, что “царствие Божие внутри нас”.

Этим примером мы хотели подчеркнуть, что осмыслить полюс информационного как не имеющего признаков энергии, пространства – материи, времени (в обыденном понимании этого термина) крайне трудно, но все-таки возможно. А также и то, что именно в этом информационном полюсе возможны и необходимы феномены трансформации отдельных и обособленных информационных планов в суперструктуры с качеством целостности и самоорганизации.

Ясным и убедительным доказательством тому является феномен личности, не сводимый к сумме каких-либо блоков памяти. Уникальной особенностью данной информационной суперструктуры является способность к разворачиванию панорамы памяти в каком угодно ракурсе. В этом смысле

личность напоминает веер. Его можно развернуть на одно или два деления – события, а можно и во всю кисть, веер от этого не перестанет быть веером. События, естественно, будут разными. Между тем, качество основной событийной ткани, выкрашенной в разные цвета, раскроенной и скомбинированной по индивидуальному проекту, будет одним и тем же – жестким стандартом *ФИИ*. Таким образом, сцена, где личность действует, выстраивается из добротного и стандартного материала – кирпичиков моментальной памяти, и воспринимается как некий незыблемый, единственно-возможный и объективный мир. Из этих же стандартных кирпичей строят и узоры “прошлого”. Но если в применении такого рода строительного материала для конструирования “настоящего” есть определенный смысл, то использование инструмента *ФИИ* для конструирования “прошлого” абсолютно не обязательно. Приверженность к данному стереотипу и рождает иллюзию линейного времени со всеми вытекающими отсюда последствиями. От “любого прошлого”, которое сконцентрировано в “горчичном зерне” информационного полюса новой реальности, нас отделяет лишь мгновение настоящего.

В этом же информационном полюсе с необходимостью “прописана” и наша личность, суперструктура осознаваемой памяти, сконструированной из стандартных блоков (*ФИИ*). Именно поэтому осознаваемая личность привязана к “объективному миру”, не ведая других возможных объектов – языков, с помощью которых с нами пытается говорить “иная реальность”. Между тем, наша собственная принадлежность к целостным объектам другого уровня, легко конструируемым теперь с изменением масштабов *ФИИ*, не вызывает сомнения. Весь вопрос, как мы уже говорили, заключается в том, как взаимодействуют эти структуры памяти в полюсе информационного. И здесь мы с полной определенностью утверждаем, что смутные (для нашей “объектной” сущности) феномены этой неосознаваемой памяти (видовой, родовой, генетической и какой угодно другой – здесь важен лишь уровень и целостность соответствующей суперструктуры) реализуются в виде “мистических прорывов”, “религиозных озарений” или не столь драматических, но достаточно регулярно воспроизводимых феноменов актуализации “других сущностей” в пространстве психотерапии. Для этого требуется лишь некоторое ослабление жестких параметров *ФИИ*, что специалисты и обозначают как “изменение состояния сознания”. Здесь нет принципиальной разницы. Наше определение лишь предметнее и точнее обозначает суть данных изменений, а также указывает на возможность объективизации их феноменологического уровня с помощью других средств.

Попутно заметим, что все вышесказанное объясняет не только эпохальную стойкость “идеи Бога”, как будто не находящей объективного под-

тверждения (в нашем ограниченном ракурсе реальности Богу как целостному объекту не находится места), но также дифференциацию и взаимосвязь идеи *Души* и *Духа*. “Сколько бы не искал, ты не найдешь границ души, ибо корни ее – Логос”. Здесь и дифференциация, и взаимосвязь данных категорий. И лучше Гераклита не скажешь. Можно лишь утверждать, что даже и в смутных, зачастую не осознаваемых феноменах “другой” памяти все-таки присутствует дифференциация уровней целостных суперструктур, а также той суперструктуры, которая объединяет полюс “информационного” и “настоящего”, не ограничивая себя какими-либо заданными параметрами бытия. В особых состояниях, ослабляющих привязанность к нашему собственному объектному миру, эти различия становятся более очевидными.

Отсюда становятся понятными корни изначального конфликта этих видов памяти – двух великих языков, с помощью которых мир пытается говорить с человеком (читатель уже догадался, что это и есть упомянутые в самом начале раздела “системы координат”). С “точки зрения” каждого из этих равновеликих “говорящих”, другой не прав – возвещаемые им истины не находят подтверждения в той *реальности*, которую каждый конструировал по-своему и полагал за единственно возможную (воспроизводимый опыт, как мы помним, основывается, в первую очередь, на объектности и предметности). Но теперь у нас появляется шанс перевода этих великих языков с использованием универсального механизма “формулы настоящего” – *ФИИ*, конструирующего предметные феномены для каждого уровня.

Но и без этих суперкомпьютерных усилий, имея ясное представление о том, как это можно сделать, мы приходим к самому главному: теперь можно определенно и твердо *знать*, а не только *верить*, о *реальности* таких крайне важных для каждого человека и, конечно, для нашей специальности феноменов, как *Душа* и *Дух*. Дорога к формированию нового языка, необходимого для контакта с этими категориями, открыта. Но от чего мы действительно далеки, так это от мысли, что рождение *нового мышления* – простая и легко выполнимая задача. Однако есть твердая уверенность в том, что целенаправленное и обоснованное расширение “когнитивного репертуара” (разработка адекватного базиса понятий, формируемых концепцией “новой реальности”), а не только эксперименты с измененным сознанием позволяют нам осилить этот путь.

Последний тезис нуждается в иллюстрациях, благо они всегда на виду. Феномены измененного сознания, сообщающие о существовании какой-то иной реальности, возможно, убедительны для тех, кто пережил данный опыт, но абсолютно не убедительны для других, никогда не испытывавших ничего подобного. Вторые, в отличие от первых, всегда могут удостовериться в “предметной” реальности воспринимаемого ими мира, то есть

опереться на непосредственный и воспроизводимый опыт. Первые же могут только более или менее красноречиво изложить пережитые ими ощущения. Кто-нибудь из числа вторых с полным основанием может объявить этот пересказываемый опыт галлюцинацией. У первого не остается другого выхода, как требовать безусловной веры в реальность пережитого. Вот почему, сколько бы мы не экспериментировали с состояниями измененного сознания или не переживали его феномены спонтанно, данный опыт всегда уязвим, не обладая достаточным основанием, чтобы служить убедительным аргументом в пользу существования иного уровня реальности.

Между тем, с нашей точки зрения, в приведенном примере и первый, и второй персонажи допускают фундаментальную ошибку, сливая, во-первых, воедино полюс “информационного” и полюс “настоящего” и, во-вторых, игнорируя то обстоятельство, что при внешне одинаковых условиях первый субъект конструировал свой уровень реальности с использованием “укороченного” *ФИИ*, а второй – “обычного”. И оба при этом свято верили, что время – линейно и объективно.

Ясное понимание парадокса нелинейного, субъективного, времени дает возможность и “путешествия” с разными скоростями и “остановки” в пространстве новой реальности без риска утраты субъективности как информационной суперструктуры.

Все сказанное можно проиллюстрировать интересным, с нашей точки зрения, вариантом решения классического парадокса Зенона: “Ахилл, догоняющий черепаху”. Напомним его суть. Как только Ахилл добегаем до того места, где находилась черепаха в момент старта, она успевает на некоторое расстояние сдвинуться. С каждым стартом это расстояние становится все короче, но, тем не менее, оно всегда образуется. Поэтому “быстроногий” Ахилл никогда не догонит черепаху. В общем, есть над чем поломать голову, тем более, что в “реальной” жизни эта проблема решается относительно легко. Мудрый Зенон забыл сообщить наивным грекам, что вместе с расстоянием уменьшаются и промежутки времени, за которые Ахилл добегаем до того места, где только что была черепаха. Но как только это время станет “меньше” момента настоящего, для реального наблюдателя, не осознающего данный аспект задачи, эти движущиеся объекты попросту остановятся. Так что прав был Зенон, а не математики позапрошлого века. В условиях данной задачи Ахилл не догоняет черепахи. И, как мы уже можем понять, дело здесь в неосознаваемой смене масштабов *ФИИ*, начиная с присущей нам, Зенону, Ахиллу и математикам величины в 10 микро-секунд.

Однако, если условием поставить теперь уже сознательное изменение объемов “момента настоящего”, решение данной задачи окажется весьма любопытным. Допустим, это изменение будет простирается от 1 микро-

секунды до 500 лет. Тогда “невключенный” наблюдатель, фиксирующий лишь изменение структуры и характера взаимодействия объектов, увидит следующее: Ахилл и черепаха некоторое время стоят на месте, не двигаясь, но как только *ФИИ* достигает 10 микросекунд – они начинают движение. Ахилл быстро догоняет и перегоняет черепаху. Однако после того как объем “момента настоящего” перевалит за 100 лет (герои, к сожалению, долго не живут), Ахилл вдруг куда-то исчезает. А вместо него появляется некий неясный фон. Объем *ФИИ* превысил 500 лет (средний возраст жизни черепах) – исчезает и черепаха, а фон становится теперь уже общим, с неясными контурами “общего Ахилла” и “общей черепахи”. Легко заметить, что при этом исчезает и задача. Последняя иллюстрация показывает возможность моделирования основного вектора изменений, касающихся характера объектов, закономерностей, способа постановки и решения задач, которые существуют применительно лишь к определенному уровню реальности.

Завершить изложение общей концепции “новой реальности” мы бы хотели определением основных отличий нашей модели от версии “вероятностного физического мира”, а также от синергетической модели “порядка-хаоса”.

Прежде всего, мы видим их в том, что рассматриваемые указанными теориями феномены неопределенности, порядка и хаоса в нашей модели выступают как следствия изменения параметров “момента настоящего” (иначе говоря, эти категории вторичны). Под этим углом зрения главный их смысл в том, чтобы показать степень нашей собственной объектной неопределенности (хаоса), – со всеми присущими нам атрибутами “автономного” мира, – в другом уровне структурирования реальности.

Теперь, очевидно, каждый школьник знает, что в знаменитом споре Альберта Эйнштейна и Нильса Бора, имеющего отношение к обсуждаемой теме, прав оказался великий датский физик, обосновывающий модель вероятностного физического мира, а не Эйнштейн, утверждавший, что “Бог не играет в кости”. Мы в этом не уверены. Бог, видимо, оказался умнее и, в метафорическом смысле, дал каждому собственный дом, куда невозможно проникнуть, не “отказавшись” полностью от собственной объектности и не приняв реальности других целостностей. Но если, таким образом, все возможные объекты расставлены по “своим местам”, то существует некое общее место для субъектов (информационных суперструктур) – информационный полюс реального.

Выделение субъективного “кванта” настоящего – фиксируемого импульса изменений позволило нам обосновать и развести категории “настоящего” и “информационного” по различным полюсам новой реальности. Осмысление огромного значения феномена *ФИИ*, выступающего цен-

тральным стержнем модели “новой реальности”, отсутствует в упомянутых концепциях. И в этом главное отличие нашей концепции от двух названных.

Приведенных различий оказалось достаточно, чтобы приблизиться к возможности объективизации сложнейших феноменов *Души* и *Духа*, оставив данную проблему нерешенной в формате вышеназванных научных теорий.

Область доказательства выдвинутых положений основана на известных научных фактах, таких, например, как психофизиологические параметры ритмической активности мозга, объективно фиксируемые феномены памяти, личности и др. Логическая цель рассуждений, которую мы в данном случае себе позволили, основана лишь на попытке свести все эти факты в единую систему и воспользоваться очевидными следствиями, чтобы выделить понятную и достаточно аргументированную перспективу. При этом понятно, что этап верификации некоторых неочевидных или не вполне очевидных положений нашей теории (объектное моделирование разноуровневых суперструктур и создание новой системы понятий с использованием ключевого механизма *ФИИ*) – еще впереди. Однако трудно удержаться от соблазна уже сейчас использовать возможности внутренней лаборатории, именуемой головой на плечах, для того, чтобы, как советовал Мартин Хайдеггер, “начать, наконец, мыслить”. Последний считал данную рекомендацию единственным разумным ответом на вопрос “что делать”.

Подводя **итог концептуальной части** нашего исследования, отметим, что выделение первичных, объективизируемых феноменов (фиксируемого импульса изменений момента настоящего – мгновенной памяти) дало возможность по-новому рассмотреть содержание и функции центральных категорий второго уровня: времени, информации, личности. Сведение названных понятий и категорий в единую систему позволило аргументированно представить двухполюсную модель “новой реальности”, показав беспочвенность конфликта фундаментальных допущений, которые лежат в основе систем рациональных знаний и иррациональных верований, и несостоятельность самих этих фундаментальных принципов.

Эвристический потенциал данной модели заключается в возможности объективизировать феномены ряда целостных, до настоящего времени не верифицированных информационных суперструктур, включая и таких наиболее сложных из них, как *Душа* и *Дух*.

Главные трудности, которых невозможно избежать в предстоящей работе, могут быть связаны, на наш взгляд, с необходимостью пересмотра семантики научных и обыденных терминов, касающихся рассматриваемой темы, а также разработки нового понятийного аппарата. Позитивная сто-

рона данного процесса – открывающаяся возможность создания общего тезауруса, в котором так нуждается наша профессия.

Ввиду всего сказанного, уместна речь о разработке нового, адекватного потребностям гуманитарных специальностей *научного архетипа*, который условно может быть обозначен как “кольцевой”. Имеется в виду перспектива выстраивания континуума (“кольца”) точек зрения на какую-либо задачу и, соответственно, результаты и варианты ее решения. Возможность рассмотрения целостной многоуровневой проблемы с использованием континуума (кольца) дополняющих друг друга подходов и дивидендов каждого из них особенно важна для науки и практики, где в качестве основного предмета выступает категория “психического”.

Формирование нового научного архетипа, адекватного нуждам и потребностям, в первую очередь, психотерапии, идентифицирующей себя как самостоятельное научно-практическое направление, – первое и главное следствие разработанной модели.

Ближайшие перспективы использования новой научной модели нам видятся в следующем.

Нормология. Убедительные экспериментальные подтверждения функциональной активности мозга как системы, не столько “хранящей”, сколько “передающей” информацию, получаемые неврологами с конца 90-х годов минувшего столетия, находят адекватное теоретическое обоснование в модели двухполюсной реальности. С этих позиций крайне интересно исследование функций сна в плане реформирования кратковременной “энергизированной” памяти в долговременную (то есть в полюс информационного) как процесса освобождения энергии. Здесь уместны аналогии с моделью атома, где квант энергии выделяется при переходе частицы на более устойчивую орбиту. Отсюда становится понятной необходимость изменения параметров *ФИИ* и “переход” личности в период сна от полюса “настоящего” к полюсу “информационного” с соответствующим изменением картины реального. Понятна также и разница между состоянием обездвиженности и сном. У человека обездвиженного, но не спящего оперативный объем информации не утилизируется и не претерпевает реформирования в его концентрированное “Я”. Главное качество проснувшегося – обновленность. Об отдохнувшем, но не спавшем этого не скажешь.

В этой связи сон – идеальная модель процессов двухуровневой психотерапии, которой всегда сопутствует качество такого рода “обновленности”, чему предшествует соприкосновение с *Душой* при условии изменения параметров *ФИИ*.

Исследование феномена сна с использованием модели новой реальности способно, таким образом, приблизить нас к пониманию: а) механизмов и

ритмов взаимодействия двух полюсов реальности; б) основной функции мозга, обеспечивающей данное взаимодействие; в) изменения параметров *ФИИ* как необходимого условия вышеназванного процесса. Следовало бы заново внимательно присмотреться к особенностям сигналов (языка), которыми пытаются объясниться с нами суперструктуры *Душа* и *Дух*, с тем чтобы попытаться сконструировать более внятный механизм их рационализации, сравнительно с тем, которым мы пользуемся сегодня.

Патология. Нет сомнения, что многие так называемые эндогенные заболевания так или иначе связаны с искажением функции *ФИИ*. Человек, у которого нарушены параметры и ритмы формирования двух (а не одного, что очень важно) полюсов реальности, лишен возможности, с одной стороны, получать ориентирующую его объектную информацию, с другой – получать энергию при ее “утилизации” в компактную структуру личности в информационном полюсе реального. Иначе говоря, он лишен “нормального” доступа к собственной *Душе*. Но и *Душа* не может “достучаться” до него. Ее энергичные попытки доходят лишь в виде искаженных сигналов, манифестирующих, с точки зрения наблюдателя, как “психоз”. Восстановление сна, в этой связи, должно рассматриваться как сигнал о появлении доступа к ресурсной суперструктуре, где и сосредоточены возможности подлинного исцеления.

Знание полного спектра нарушений параметров *ФИИ* могло бы служить функциональным маркером заболеваний, точно названных “душевными”.

Философия. Как система целостных взглядов на мир, философия может использовать “новую реальность” в качестве инструмента, способствующего осмысленному и энергичному продвижению к этой декларируемой целостности, а также решению базовых противоречий, которые препятствуют данному процессу. Использование аргументов названной модели поможет избавиться от одностороннего и пессимистического истолкования основных экзистенциалов западной философии (смерть, одиночество, свобода, бессмысленность). Можно надеяться и на изменение общей ситуации в данной отрасли знаний, которую восточное крыло философии представляло в виде знаменитого парадокса Лао Цзы: “Знающий не говорит, говорящий не знает”. То есть те истины, которые невозможно определенно обозначить (нет объектности!), на которые можно лишь указывать, задавая определенные вопросы (гениальный, развивающий и ненавязчивый способ даосов, знающих толк в “горчичных зернах”), назвать своими именами, указав новое семантическое поле.

Социология. Здесь перспектива использования концепции “новой реальности” ведет к созданию обновленной социальной метадигмы – параметров порядка, формирующих общество как целостную суперструктуру. Система простых идеом (заповедей, осознанно или неосознанно регули-

рующих поведение людей) получает возможность избавиться от опасного разобщения и получить живое подкрепление в виде цельного современного толкования “прописных” истин.

Ми ф о л о г и я. В свете всего сказанного закодированная история развития *Души* и *Духа* предстает в новом ракурсе.

Сотворение мира. “В начале было Слово и Слово было Бог”. Святая правда. Логос, слово, – “горчичное зерно” спрессованной информационной суперструктуры, лишенное таких характеристик, как энергия, пространство-материя, время (в обыденном понимании), сводимо к состоянию “всего” до энергетического взрыва Вселенной. Но только в модели линейного времени.

“Слово” продолжает “быть”. И поскольку оно должно еще и “произноситься”, рядом разворачивается величайший акт творения, который, в сущности, есть возможность внутреннего изменения “горчичного зерна”. Здесь мы находим ответы на парадокс феномена пространства: “а что дальше, за этим пространством”? Дальше – “горчичное зерно”.

Изгнание из рая. Святая правда. Яблоко “познания” оказалось и незрелым, и чреватым тяжелым “схизисом”. Человек отравился иллюзией “реального и автономного” мира, утратил целостность и возможность прямого контакта с полюсом информационного (а в сущности, доверия к прорывам неосознаваемой памяти). Он покинул “рай” гармонии бытия, окрашенного подлинным чувством собственного бессмертия, а взамен получил “реальность”, наполненную страхом неизбежного конца с компенсаторной тягой к “вечному – неизменному”. С тех пор он “бредет, спотыкаясь, кривыми, глухими и окольными тропами”. Но, может быть, другая, “прямая дорога”, ведущая к океану жизни, станет ближе? Мы еще вернемся!

Ад и чистилище. Наша осознаваемая память, постоянно “прописанная” в информационном полюсе, находящаяся или в процессе развития (жизни), или в процессе покоя – вот единственный *ад*, который возможен. Несравненный гений Гераклит об этом сказал кратко и поэтично: “Умирая, каждый сам себе зажигает светильник в ночи”. Вопрос в том, какое содержание жизни будет освещать этот индивидуальный светильник. Что же касается “чистилища”, то это, пожалуй, намек на психотерапевтические возможности информационного полюса, которые мы, как люди нетерпеливые, предпочитаем реализовывать в активном статусе индивида.

Сын Бога, Сын Человеческий. История вопроса опять же восходит к Гераклиту, жившему за 500 лет до пришествия официального автора упомянутого мифа. В своем афористическом стиле Гераклит отметил, что “лишь мудрец хочет и не хочет называться именем Бога”. Это говорил человек, хорошо понимавший, где искать корни *Души*. Но захотел назваться именем Бога и поставил свою жизнь на карту в доказательство этого тезиса – дру-

гой. Не только мудрый, но и мужественный. Хорошо понимавший, что будущее человека (отсюда – сын человеческий) – это осознание своего неразрывного единства со всем сущим (отсюда – сын Бога).

Конец света. Не вызывает сомнения, что этот миф – наиболее оптимистический и вселяющий надежду в наши растревоженные сердца. Ибо ожидается, конечно, не только конец “этого света” – безрадостного “автономного” мира, но и “света того”, заселенного произвольными, порой не очень приятными фантомами, в реальность которых можно только верить. Здесь мы выражаем надежду, что и наши скромные усилия ускорили данный, во всех отношениях полезный и необходимый, процесс. А значит, и приход того момента, когда на руинах того и этого воссияет новый, гораздо более яркий и согревающий свет, уже не травмирующей, а исцеляющей реальности.

Заключение

Приведенный перечень очевидных перспектив развития научного архетипа, адекватного потребностям психотерапии, можно продолжать, (например, в сфере естественных или точных наук). Однако и без того ясно, что психотерапия, долгое время пестующая свое собственное научное направление, теперь переступила порог. Сложности данного процесса были обусловлены самим предметом специальности, неоднозначным характером ее центральных категорий: души, духа, информации, времени, личности, которыми она вынуждена оперировать и значение которых осознавать.

Вместе с тем, психотерапия парадоксальным образом сочетает две грандиозные развивающие модальности, опираясь на которые, движется человечество, – науку и искусство. Спор о том, к которой из них следует причислить психотерапию, представляется беспредметным. Когда психотерапия *проводится* – это искусство. И чем в большей степени, тем лучше, ибо главное в искусстве – уникальность и неповторимость. Когда психотерапия как реальный процесс завершается, и мы начинаем думать, говорить (или писать) о ней, – это наука, поскольку главное в науке – возможность понимать друг друга, опираясь на некое общее значение терминов и, подспудно, на воспроизводимый опыт. То есть чем больше общего, тем лучше. И мы надеемся, что теперь этого “общего” научного стало больше.

Однако, заканчиваясь как процесс, психотерапия становится наукой лишь для профессионалов. Для пациентов она оборачивается качеством их жизни. И вот, если имела место “задевающая душу”, глубинная психотерапия, то ее субъекты с большей вероятностью могут почувствовать приближение “прямой дороги” жизни, а иногда и “взойти” на нее.

Стоящая перед нами задача заключается в том, чтобы психотерапевтическую науку, отчужденную от своего собственного предмета, а в известной

степени, и практику, попытаться вылечить ее же средствами. Обеспечив обновляющее соприкосновение с *Душой* профессии, тем самым придав ей цельность, возродив основные развивающие ресурсы. И, конечно, существенно расширив ее когнитивный репертуар. Если в какой-то степени удалось приблизиться к осуществлению этой задачи, то у нас появляется надежда на обретение некогда утраченной целостности. (Отсюда понятны тот совершенно не насыщаемый интерес к психотерапии, а также дисциплинарная заинтересованность, которые проявляются к ней со стороны других развивающих практик: в нашей профессии люди чувствуют подлинный потенциал целительства, в глубинном, сущностном значении этого слова.)

Таким образом, основная миссия развивающей психотерапии заключается в том, чтобы преодолеть опасный и неоправданный разлад человека с его собственной *Душой* и *Духом*.

Время пришло.